

Он не имел полного контроля над своей силой свирепого призрака, потому что недавно стал человеком, и его действия не были ни легкими, ни тяжелыми.

Как только призрак фоторамки вырвался на свободу, он рванул обратно, врезавшись в черно-белый портрет, как струйка дыма.

Шэнь Дунцин с сожалением потерял руку.

Прошла тысяча лет с тех пор как он был человеком, в течение такого долгого времени, он не был приспособлен к такому. Он мог узнать, каким должен быть нормальный человек, и мог научиться этому, только наблюдая за словами, действиями и манерами людей, которых встречал.

Поэтому он лег на кровать и поднял телефон.

По словам старшеклассницы здесь не было никакого сигнала, поэтому было довольно много игр, в которые нельзя было играть.

Шэнь Дунцин листал свой телефон, пока, наконец, не нашел игру, в которую можно было играть – маленький крокодил любит купаться. Когда он был призраком, он был невероятно ревнив, когда люди играли в игры; и было жаль, что никто не сжег ему такие подношения, поэтому он не мог коснуться электронных устройств, что делало его простым зрителем. Теперь, когда у него наконец появилась возможность поиграть, он забрался на кровать и играл до середины ночи.

И поскольку он был очень поглощен игрой, то не обращал внимания на стук в окно и крики женщины наверху.

Человек на черно-белом портрете был вынужден слушать веселую музыку, которую издавал телефон, продолжая смотреть на юношу на кровати.

Что происходит, почему он все еще играет?

Не мог бы он, пожалуйста, дать призракам немного лица?

Призрак фоторамки чувствовал, что его игнорируют, и это необъяснимо расстроило его – я должен напугать этого человека должным образом. Согласно правилам, я могу убить его как захочу, пока он кричит.

Под мерцающими огнями портрет покойного внезапно поменял место, без всякого вмешательства человека, и повис на спинке кровати. Человек на портрете побледнел, уголки его рта поползли к ушам, а склера покрылась багрово-красным налетом, что делало картину чрезвычайно странной.

Если бы робкий человек увидел эту сцену, он был бы напуган до такой степени, что потерял бы голос.

Однако...

Внимание Шэнь Дунцина всегда было сосредоточено на экране его телефона, и он даже ни разу не поднял голову.

Призрак фоторамки был несколько утомлен после долгого пребывания в одной и той же позе, и как раз когда он собирался расслабиться, он увидел, что Шэнь Дунцин наконец-то пошевелился. Он быстро перешел в боевую готовность и принял еще более устрашающее и искаженное выражение.

Шэнь Дунцин случайно увидел черно-белый портрет на стене.

Черно-белый портрет был окрашен гордостью: ты боишься, да?

Шэнь Дунцин посмотрел на портрет и, изогнув губы, сказал: "Спокойной ночи."

Затем он положил свой разрядившийся телефон и выключил свет.

В темноте черно-белый портрет изображал уныние.

Что... что происходит? Почему он не может его напугать? Может быть, потому что он не приложил достаточно усилий в своей профессиональной работе?

Черно-белый портрет покойного погрузился в глубокие размышления - не просто жить призраком.

Шэнь Дунцин крепко спал.

Он не просыпался до тех пор, пока не услышал за окном треск хлопушек.

Сбитый с толку, он открыл глаза и увидел призрачное лицо прямо перед собой, прежде чем смог полностью проснуться.

Черно-белый портрет имел трагический вид: это должно напугать тебя, верно?

Это было то, что он придумал после ночного мозгового штурма.

Прежде чем Шэнь Дунцин успел ответить, реакция его тела была быстрее. Подняв руку, он нанес удар.

Черно-белый портрет приветствовал кулак с улыбкой на лице.

Идиот, как человек может ударить призрака?

Кулак Шэнь Дунцина приземлился.

Черно-белый портрет только почувствовал острую боль в шее, прежде чем его зрение искажилось от юноши на кровати до пожелтевшего потолка.

Он извивался всем телом и вдруг понял, что его голова отделилась от шеи и лежит на земле.

Призрак онемел.

Раньше он всегда был тем, кто пугает и убивает людей, так почему же теперь он получил удар человека? И поскольку он не был достаточно опытен в своей профессиональной работе, он не знал, как реагировать, и мог только оставаться там.

"Мне очень жаль!" - Шэнь Дунцин быстро встал, желая поднять голову с земли и помочь ему прижать ее обратно.

Призрак портрета отреагировал.

Ты только что обезглавил меня одним ударом! Если ты прикоснешься ко мне снова, разве мой дух не рассеется?

Прежде чем Шэнь Дунцин успел коснуться катящейся головы, она издала необъяснимый крик, дрожа и сворачиваясь в углу.

Шэнь Дунцин мог только остановиться, утешая: "Не бойся, я сделал это не нарочно."

Но когда его слова достигли ушей черно-белого портрета, это прозвучало так, словно он хотел его жизнь. Поэтому он быстро встал и обнял свою собственную голову, прежде чем она снова слилась с фоторамкой.

Человек в фоторамке перевернулся лицом к задней стороне рамки снаружи, так испугавшись, что свернулся в клубок.

Шэнь Дунцин чувствовал себя довольно неловко.

Первоначальный обитатель любезно разбудил его, но он снес человеку голову.

Он подошел к черно-белому портрету и принес свои искренние извинения.

Человек на черно-белом портрете и его рамка затряслись в ответ, и их толчки почти стряхнули раму со стены.

Шэнь Дунцин немедленно протянул руку, чтобы поймать портрет. Не найдя места, чтобы повесить его, он устроил портрет на ночном столике после того, как оглядел комнату. Он даже отрегулировал его положение, чтобы убедиться, что тот был установлен устойчиво и в лучшем ракурсе.

Покончив с этим, он отошел еще немного назад, чтобы понаблюдать за проделанной работой, и призрак портрета начал потеть под его пристальным взглядом. Только тогда Шэнь Дунцин удовлетворенно кивнул и вышел.

Остальные провели бессонную ночь и рано утром собрались в холле, чтобы начать поиски улики, касающихся убийцы.

Когда они увидели приближающегося Шэнь Дунцина, они были явно шокированы.

Желтоволосый без малейших угрызений совести выпалил: "Ты все еще жив?"

Шэнь Дунцин был озадачен: "А?"

"Ты не заметил ничего странного прошлой ночью?" - Спросил мужчина с золотой цепью.

Прошлой ночью в их комнате произошло много духовных событий. Например, среди ночи в их дверь начали стучать, в окне появилось бледное лицо, а из-под кровати протянулась рука... если бы не старина Чэнь, они боялись, что не дожили бы до утра.

Поэтому все думали, что одинокий Шэнь Дунцин умер.

Шэнь Дунцин коротко ответил: "Нет."

За исключением его чрезмерно активного соседа по комнате, ничего не произошло.

Когда старина Чэнь услышал его слова, его глаза потемнели, когда он дал Шэнь Дунцину единственный шанс найти любые аномалии. Он не хотел больше говорить на эту тему, поэтому сказал: "Мы должны найти убийцу за три дня. Время имеет значение; мы разделимся, чтобы искать улики."

После инцидентов прошлой ночью, другие уже знали, сколько опасностей было там, и ни один из них не осмеливался двигаться.

Старина Чэнь начал терять терпение: "Хозяйка уже вчера рассказала нам правила! Днем здесь безопасно, призраки будут появляться только ночью!"

Группа людей заставила себя двигаться.

Старый Чэнь наставлял: "Не ходите в самую дальнюю комнату на третьем этаже."

Остальные вышли и разбежались, оставив Шэнь Дунцина одного на диване.

Он никуда не спешил и, прежде чем направиться в столовую, неторопливо обошел вокруг дома.

В связи с прибытием гостей хозяйка приготовила для них роскошный завтрак.

Однако остальные боялись, что с едой что-то не так, и воздерживались от нее. Они просто выпили две бутылки холодной воды, чтобы насытиться досыта.

У Шэнь Дунцина не было таких забот, и он схватил дымящуюся булочку и откусил кусочек.

Долгое время он был свирепым призраком, и никто не делал ему подношений. Теперь, когда он мог есть после таких трудностей, он думал, что все было вкусно. Тарелка с булочками была быстро съедена им, но его живот оставался плоским без признаков сытости.

Шэнь Дунцин потер живот и взял еще одно яблоко, чтобы надкусить его, прежде чем начать искать улики.

Это был самодельный дом в деревне, и в нем было три с половиной этажа.

На первом этаже располагался холл, обставленный диванами и телевизором, а также центральная комната, ведущая к главной двери, на стенах которой висели картины, выполненные в стиле благословений счастливой звезды. Однако картины были созданы десятилетия назад, и пигментация давно исчезла, оставив их бледными и размытыми.

Слева от центральной комнаты находилась кухня, а справа - лестница.

Как раз когда Шэнь Дунцин выходил из кухни, он услышал звук резинового мяча, подпрыгивающего справа.

Па-па-па—

Звук был мягким и медленным.

Шэнь Дунцин прошел вдоль поворота и увидел маленькую девочку с хвостиками, стоящую к нему спиной.

Она была одета в цветастую юбку, и ее рука двигалась вверх и вниз, когда она серьезно играла с резиновым мячом, что даже не заметила, как кто-то приближался к ней.

Понаблюдав за ней некоторое время, Шэнь Дунцин решил тихонько улизнуть, чтобы не потревожить ее.

Он уже поворачивался, когда услышал, как мяч с грохотом перекатывается, и оказался совсем рядом с его ногами. Вскоре после этого он услышал тихий голос.

"Старший брат, ты можешь поднять резиновый мяч для меня?"

Шэнь Дунцин уже собрался поднять его, когда сверху вдруг донеслось предупреждение.

"Не надо, быстро беги!" - У старшеклассницы был восковой цвет лица, и она всем телом прислонилась к перилам лестницы. Ей хотелось бежать, но ноги подкашивались, и она могла только испуганно смотреть на девочку.

Шэнь Дунцин опустил голову, чтобы посмотреть.

Каким же образом предмет, который подкатился к его ногам, стал резиновым мячиком? Это явно была голова маленькой девочки. Девочка была бледна, а глаза у нее были большие и круглые. Если бы она попыталась быть милой, то потерпела бы неудачу, потому что выглядела немного пугающе.

"Старший брат..."

Рот девочки открылся и закрылся, когда она тихо заговорила.

Шэнь Дунцин остался невозмутимым, когда он поднял голову и передал ее.

Старшеклассница глупо испугалась: "Что ты дел!..."

Как может человек осмелиться поднять голову живого человека, будто это нормально?

"Спасибо, старший брат." - Маленькая девочка в цветастой юбке положила руки на голову, которая была ее копией.

Шэнь Дунцин не обращал внимания на странности маленькой девочки. Вместо этого он заговорил с ней, как с обычным ребенком, и спросил: "Почему ты играешь здесь одна?"

"Мне нужно быть потише," - прошептала девочка: "Если я буду слишком шуметь, папа рассердится. Разве не так, старшая сестра?"

Голова в ее руках согласилась: "Папа очень свирепый."

Шэнь Дунцин небрежно спросил: "Разве твой отец уже не умер?"

На лицах двух маленьких девочек отразилось недоумение.

Мысли Шэнь Дунцина приняли другой оборот, и он уже собирался что-то спросить, когда сверху раздался пронзительный крик.

Это был желтоволосый.

Маленькая девочка вздрогнула: "Папа будет сердиться...."

Держа старшую сестру за голову, она выбежала из коридора, и ее фигура исчезла в темноте.

Шэнь Дунцин посмотрел вверх и поднялся на третий этаж, где обнаружил лежащего на земле парализованного желтоволосого человека.

Старшеклассница робко последовала за ним.

Когда желтоволосый увидел, что кто-то приближается, он, казалось, нашел свою спасительную соломинку и начал бессвязно бормотать: "Я видел красные глаза внутри...."

Некоторые вещи делали людей более любопытными, когда они были запрещены.

Когда желтоволосый вспомнил, как хозяйка говорила, что они не могут войти в комнату, он подумал: может быть, ему удастся заглянуть в дверную щель? Двери здесь были старомодными, и оказалось, что у двери была щель под ней, которая идеально подходила для наблюдения за ситуацией в комнате.

Таким образом, желтоволосый не смог подавить собственного любопытства и лег на живот, чтобы заглянуть в дверной проем. Однако то, что он увидел, было чем-то красным.

Поначалу ему показалось, что кто-то приклеил к полу кусок красной бумаги, и он протянул руку, чтобы убрать ее, но, протянув руку, ничего не смог нащупать. В его сердце возникло

недоумение, и он наклонился поближе, чтобы получше рассмотреть, но понял, что это была не красная бумага, а прямо на него смотрела пара красных глаз.

Когда он закончил свой рассказ, желтоволосый вздрогнул.

В этот момент из глубины двери донеслось “Донг”, и это привлекло всеобщее внимание.

Донг Донг Донг—

Что-то билось в дверь, снова и снова. Печальные и пронзительные крики раздались одновременно.

Поскольку они были отгорожены дверью, они могли слышать только грубое приближение слов.

“Мой сын убил ее—”

"Она убила моего сына—”

“Мой сын убил меня, хахахахаха—”

<http://bllate.org/book/17972/1726028>